

Андрей Шацков

Осенняя женщина

АЛТАРЬ
МИСЛОПИСИ

Андрей Владиславович Шацков

Осенняя женщина

(сборник стихотворений)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=442535

Осенняя женщина: сб. стихотворений / Андрей Владиславович

Шацков. : РИПОЛ классик; Москва; 2007

ISBN 978-5-7905-4947-2

Аннотация

Каждая книга Андрея Шацкова, члена Союза писателей России, кавалера ордена Преподобного Сергия Радонежского, – желанное событие для поклонников его творчества, для всех деятелей подлинной поэзии. Его стихи отличает поразительная глубина, необычайная образность, особое словотворчество и редкий дар умения сочетать это в поэтической строке и рифме.

Содержание

И снова август	4
Ильин день	4
Фиолетовый стих	6
Август 2001	8
Август 2002	10
Август 2005	12
Тридцать первое августа	14
Как свойственно поэту	16
Ночной дозор	16
Над Русью осень	18
Казанский эскиз	20
Проводы зимы	22
Звезда декабриста (монолог поручика Анненкова)	24
Уездный роман	26
Зима над Россией	28
На этой земле	30
Плач по российским поэтам	32
Реквием по юности	33
Бабушке	35
Воспоминание детства	37
Март	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Андрей Владиславович Шацков

Осенняя женщина: сборник стихотворений

И снова август

Ильин день

Черной копотью небо завешано.
На исходе ненастного дня
То, что прадедов кровью завещано,
Обожгло в одночасье меня.

Тучи падают спелыми сливами.
По затонам гуляет гроза.
Вот и я поседел над обрывами
Над бездонными, шуря глаза,

Над путями, в закат невеселыми,
Где одна лебеда да полынь,

Где грохочет над русскими селами
Затихающий праздник Ильин,

Где любили и верили истово
В заповедной гречишной глуши,
Где крылами о дно каменистое
Задевали шальные стрижи.

И, опомнясь, стояли в безмолвии
На окраине той колеи,
Где сгорели грехи наши в молнии
Безрассудного гнева Ильи.

Фиолетовый стих

Памяти В. Д. Берестова

На рассвете сады молчаливы,
Легкой зыбью покрыт водоем,
Только слышно, как падают сливы
Фиолето-восиним дождем.

Перенявшие хитрости лисьи,
Ускользя от солнца огня,
Тихо падают сливы на листья
Облетевшего, прошлого дня,

Чтобы вновь на успение лета
Мир укрыл плодоносный покров
Загустевших мазков фиолета:
Туч, опавших садов, васильков.

Чтоб седатые мхи голубели,
Бородой, оплетая кору,
Чтобы строгие синие ели
Заступали зиме в караул,

Чтобы август над миром лиловым

Отлетал горевым сизарем,
Тихо падают сливы тяжелым
Фиолетово-синим дождем.

Август 2001

*Прощай, Лазурь Преображенская
И золото второго Спаса.
Смягчи последней лаской женскою
Мне горечь рокового часа...*

Б. Пастернак. Август

Туманится даль предвечернею мглою,
Смыкается ночь над душою бездомной.
Лишь голуби кружат опавшей листвою,
Лишь омуты глаз все черней
и бездонней.

И будут снега от Покрова пластаться,
И плакать каплями в день Евдокии.
И встретиться вновь тяжелей,
чем расстаться,
Чтоб стужей дышать на просторах
России.

Чтоб только во снах позадавнее лето
Опять приходило в твоём сарафане.
И лили грибные дожди до рассвета,
И пахли малиновым духом елани.

И благовест медленно плыл, зависая,

Дивясь разноцветных лугов узорочью.
И ты косогором бродила босая,
И плакала, если не виделись ночью.

И были слова горячи, но не лживы.
Теперь по приметам рассудим едва ли,
Что светлой печали задел положило,
Лишь первые звезды на землю упали.

Лишь белые росы от Первого Спаса
Легли, как пролог ледяного безмолвья,
Седую предтечей последнего часа,
Забытого верой, надеждой, любовью.

Август 2002

Август – время вкушенья плодов,
И медов и расчета по давности срокам.
Где-то в городе Рузе блуждает любовь,
Согревая последним теплом,
по дорогам.

Видно, чтот-о случилась не то и не так,
Как шептали стихи на лощеной бумаге.
Волочатся репы на хвостах у собак,
И бездомные тати засели в овраге.
Но на весь этот сбóром, на древний
погост,
На Димитрия храм, изузбóренный
дивно,
Зачарованно падают ливни из звезд,
Заповедно-желанные звездные ливни.

Ты со мной о желанье своем говори,
Все равно не исполнится, я ли не знаю.
Лучше кофе свари и варенье свари,
Я на гуше тебе что-нибудь нагадаю.

А под горкой уже холодеет река,
И горчит разнотравье полынью
и тмином,

И вальжжные в осень плывут облака
Мимо сосен и вечности дремлющей
МИМО.

Золотые шары – на параде стрельцы —
В медных касках шутейное правят
сраженье.

И звенят колоколен резных бубенцы
В дни Успенья и в праздники
Преображенья.

Август – время идти к рубежу,
За которым зима, словно волчья пожива.
Может, в августе я вдругорядь расскажу,
Что на Вербное вербами наворожило.

Август 2005

И. Ш.

Жгут сухую ботву.
Над полянами август кружится.
Молодая картошка
остыть не успела в золе.
Нам с потерей лет
и с потерей лета ужиться
Невозможно никак,
потому что светло на земле.

Все мечталось:
прожить ну хотя бы полсотни,
и баста!
А потом как позволят врачи,
как свершатся дела.
Но опять ворожит
за окошком рябиновый август.
И высокие полдни

прозрачней слюды и стекла.
И звучит все нежней
твой по-прежнему девичий голос,
И в копне твоих рыжих волос
не видна седина,

И по-царски цветет
золотой, как они, гладиолус.
А быть может, что это
прощально горит купина'.

И над лентой реки,
что несет на закат свои струи,
меж кустов ивняка
по песчаному ложу скользя,
я тебя на бегу,
словно юность свою, поцелую,
позабить про которую
в августа пору нельзя.

Тяжелеют плоды,
осыпая сады и дороги,
Уводящие в сутемь предзимья
и холод зимы.
Жгут костры.
Поздний август подводит итоги...
Ставший вечностью август,
в котором останемся мы.

Тридцать первое августа

Ушедшего лета последний звонок.
В реке холодеет водица.
В день Фрола и Лавра сплетенный
венок
Навряд ли когда пригодится.

Остатнее сено скирдуетя в стог.
Осот зеленеет убого.
У осени много путей и дорог,
Но главная – в зиму дорога.

Накинь свою шаль, подними
воротник,
Не верь в безысходность итога.
У осени мало дорог напрямик,
Но главная – наша дорога.

И если листьями и ветром сечет
И падают белые мухи,
Не думай: «Что было – сегодня
не в счет!»,
Былому не делай порухи.

Ушедшего лета последний венок
Бросай, наклонившись с обрыва...

Как мало в поэзии радостных строк,
В днях лета – дождям перерыва.

Как свойственно поэту

Ночной дозор

Сосны в ночную жуть
Шепчут былинку-небыль.
Кони за лесом ржут.
Ты далека, как небо.

Поздний закат сгорел
Над межевым затесом.
В сүтеми град Саркел
Взглядом грозит раскосым.

Белой росой блестит
Яд колдовских испарин.
Где-то мосты мостит
Через Донец хазарин.

Стали славянской крыж.
Отблеск огня спокоен.
Что ж ты опять грустишь,
Дней позабытых воин?

Или тебе невмочь

Двинуть свою десницу?
Или об эту ночь
Вспомнил красу-девицу?

Ночи совиный крест
Кружится на аркане.
«Счастье, конечно, есть
Где-то в Тмутаракани».

Вспомнилось, нету сил,
В люббых глазах ненастье.
«Я бы тебя простил,
Да не воротишь счастье».

Ветер – в лицо и злей.
Крепче сомкнитесь, губы!
Вновь с боевых полей
Кличут на подвиг трубы.

Над Русью осень

Любимая, в твоих родных глазах
Я вновь обрел все то, что знал дотолле:
Широкое нетоптанное поле,
Кресты церквушек, стены в образах
И сенокос, что в росах, как в слезах,
И ветер, что свистит о славной доле.

Так что еще сказать тебе одной?
Какие прошептать с любовью сказки?
О том, как ярче вспыхивают краски
Осенних роц под алою луной.
Но кони ржут за сизой пеленой.
И закружились сабли в дикой пляске.

Земля была распластана щитом,
А рыжий лес звенел листвы кольчугой,
И князь, прощаясь с верною подругой,
В броне застыв на берегу крутом,
Все забывал и помнил лишь о том:
Костер любви горит под листьев
вьюгой.

Была ладонь шершава и груба,
Когда ее девичьи руки жали.
Лишь жемчугами две слезы дрожали.

А князь шептал: «Прощай, моя судьба!
Упершись в небо, голосит труба,
И в бой зовут веков былых скрижали».

Любимая, я в облике твоём
Увидел то, что скрыла сказок синька:
Осенний лес, вдали твоя косынка.
И чистым полем в неба окоем
Несется витязь, сросшийся с конем.
Не забывай его, моя осинка.

Казанский эскиз

Небо басурманское белесо,
Азиатским зноем опален
Низкий берег, русские березы,
Кем-то приведенные в полон.

Полумесяц мусульманской веры
Вперил в Мекку раскаленный взгляд,
Западу из вотчин Едигера
Минареты стрелами грозят.

Было все: от ярмарки до драки,
От орды до царственных особ.
Таяло минувшее во мраке,
Уходило прошлое в песок.

Но ломилась от товаров пристань
И бурлак надсаживал плечо,
И ломился яростно на приступ
Матушки-Казани Пугачев.

И достались мне в двадцатом веке
Отголоском позадавних дней
Башня легендарной Сююмбеки
Да Коран прабабушки моей.

И один ответ на все вопросы —
Тот, что заучился наизусть,
Отчего в глазах своих раскосых
Я навек укрыл степную грусть.

Проводы зимы (вальс декабристов)

Весна – ты близко! Ощущаю
Твою загадочную синь.
Друзья, ко мне, на чашку чая,
Поручик, троньте клавесин!

Сыграйте что-нибудь такое,
Хотя б старинный мадригал.
И переполненный бокал
Я двигал звукам в такт рукою.

Гас вечер, стаи черных птиц
Вещали сумерек истому.
Меж аксельбантов и петлиц
Ты шла, ступая невесомо.

Присела около меня:
«Мой друг, темно, зажгите свечи...»
И вот на худенькие плечи
Упал тяжелый сноп огня.

Я звякнул шпорами, и мы
Плывем тихонько по гостиной.
На прбводах своей зимы

Танцуем этот вальс старинный.

И с заалевшего лица
Не сходит странная улыбка.
Все в мире призрачно и зыбко,
Лишь отбивают такт сердца.

Трубач тревогу протрубил,
И суета на коновязи.
«Здраст!.. Ваш!» – фельдъегерь
отрубил,
А сапоги в дорожной грязи.

Растает полк в объятьях тьмы.
Мой друг, наш след залижет заметь,
Но пусть твою тревожит память
Печаль о проводах зимы.

Звезда декабриста (монолог поручика Анненкова)

Французская шляпка, вуаль,
Фигура, обвитая флером...
Гори же, моя этуаль,
Гори над острожным забором.

За Нерчинском – только Восток.
А мысли уносят на Запад,
Где в прошлом – шампани глоток,
Где в прошлом – волос твоих запахов.

Но Бог не услышит молитв.
Отплясана жизни мазурка.
Он крепок пока – монолит
Гранитных столпов Петербурга.

Штыков оцетиненных сталь,
Халат арестантский, куртина.
Гори же, моя этуаль,
Звезда декабриста – Полина!

До самой последней черты
Не будет лукавей кошмара:
Острог предвесенней Читы,

Венчание в церкви старой.

Кольцо из чугунной цепи.
Взахлеб поцелуй на морозе.
Конвойного оклик: «Не спи!»
И сани невесту увозят.

Я клятву свободе сдержал.
Имперская служба постыла.
Всеобщего счастья желал,
А счастья себе не хватило.

Кандальная злая печаль.
Набухшая почками верба...
Гори же, моя этуаль,
Даруй вдохновенье, Эвтерпа!

Уездный роман

Как нежен свет ушедшей осени,
Но остывает тверди пазуха.
Все больше стай в линиялой просини.
Антракт. Природа держит паузу.

Купецкий город сладко почивал.
(Здесь в пятницу гуляла ярмарка.)
В рядах обжорных ели сочиво
И пили хмель казенный чарками.

И были горожанки в панике
От удалых гусарских выстрелов.
И продавали мед и пряники
Засевшие в лабазах выкресты.

И в бричке бегали каурые
По бездорожной грязи с топотом.
И были плечики понурые
Покрыты ситцевою лопотью.

Но были руки – алебастровы.
А очи были – аметистовы.
И инвалиды с алебардами
Нам в след в кулак себе посвистывали.

И улыбалась по-бедовому
С пустым ведром соседка встречная,
Как ты, смущаясь чувству новому,
Клонила голову доверчиво

На эполет, покрытый порохом
Еще недавнего сражения...
И на пути стояло Дорохово —
Предтеча нашего сближения.

Зима над Россией

Когда над Россией сгущается тьма
И льдом затянулись затоны,
Когда колесит издалече зима
И в такт громяют вагоны,

Когда бесконечны унылые дни
И после «Прощанья славянки» —
Огни, полустанки и снова огни,
И снова в огнях полустанки

Мелькают виденьем в морозном бреду
И тонут в объятиях ночи,—
Россия, ты словно в двадцатом году
Не прячешь разбойные очи.

И снова с надеждой, что все впереди,
Что там – веселее и лучше,
С размаху рванешь на широкой груди
Степной пугачевский тулупчик.

И снова ломаешь коленца, присев
В похмелье бездумного пляса...
Сокрытый веками Батыев посеяв
Дождался урочного часа.

Россия, молись за уделы свои —
Крамола в полуночном стане.
Пусть каждый акафист, как Спас на Крови
Над дымной воронкою встанет!

Ни Гришка Распутин, ни Тушинский вор
Тобой не управят вовеки.
И птицы весной возвратятся на двор,
И тронутся стылые реки.

На этой земле

На Сретенье – лужи, на Пасху – пурга.
То степи, то чащи лесные.
Что скажешь? – «Россия —
и вся недолга!»
Что сделаешь? Это – Россия.

Здесь нет колыбелей. Качают пращи
Камения судеб бедовых.
И здесь не дают на разжив палачи
Отступникам тридцать целковых.

На этой земле, где сражаясь, не ждут,
Что к смерти состарится тело,
Доносчику первый достанется кнут
За слово его и за дело.

И дешева пусть подъяремная месть,
И нету для катов Мессии,
Но в этой земле Благовещение есть,
Чтоб верила в завтра Россия.

Чтоб знала: в черед зацветет краснотал
Церковный от солнечной ласки.
Но будут погосты по свежим крестам
Считать не доживших до Пасхи,

И, в свиток свернувшись, чернеть небеса,
Кричать заплутавшая стая...
Что скажешь? – «Россия – кругом
чудеса!»
Что сделаешь? Участь такая.

Плач по российским поэтам

В небеса пошлет прощальный глас
Колокол людского покаянья.
Сколько нас не стало? Сколько нас
За чертой признанья и призванья?

Сколько нас не стало! Сколько нас
Приняла российская равнина.
Ждал на Черной речке алый наст,
Эшафот в утробе равелина.

Сколько целовала выюга в лоб!
Сколько вслед струился шип змеиный!
Положи, Елабуга, на гроб
Асфодель Кавказа для Марины.
А душа – зегзицей со стены,

Мысью с древа грянется на травы.
Мы еще вернемся с той войны,
Где стихи – горящий край державы.
И пройдем по россыпи листов
Пасквилей, доносов и наветов.
И не хватит Родине крестов —
Как наград посмертных для поэтов.

Реквием по юности (Леониду Колганову)

На годах-камнях семидесятых

Наше поколение полегло...

Л. Колганов

А юность все-таки была,
Как некогда была Россия.
Зимою – снег, земля бела,
Под осень – грязь, дожди косые.

Нас нежно пестовали те,
Те – гимназистки и славянки,
Чьих под Сморгонью в немоте
Отцов покоятся останки.

Изящность бабушкиных рук
Мне вспоминать всю жизнь
с любовью.
Плыл электричек ближних стук.
Средь сосняка, по Подмоскovieю.

И знать откуда было мне,
Что оборотни взгляды вперили
В то, что любил в своей стране —

Великой и больной империи.

Наверное, я верил зря
В то, что сейчас зовут застоём.
Но были книги и друзья,
А остальное все – пустое.

Лишь: «Русь за нами!» – ратей клик
В дали мерещился туманной,
Лишь «Незнакомки» Блока лик
Манил в былое неустанно.

Бабушке

Рудневой Зое Владимировне – рожденной 6 февраля, упокоенной 16 февраля и день ангела имеющей 26 февраля

*Юная бабушка, кто целовал
Ваши надменные губы?..*

М. Цветаева

Бабушка, в мире уснувших страстей,
Где не заботят печали и толки,
Ждешь ли на Пасху желанных гостей,
Шьешь ли костюмы для праздничной елки?

Снимешь ли добрыми пальцами воск
Свечек, стекающих в жерла кануна?
Внук твой матер, поседел, словно волк,
Только душа неприкаянно-юна.

Только на памяти – осени дым,
В лужах стоит босоногое детство.
Только во взгляде с прищуром твоим
Крови степной иссякает наследство.

Бабушка, дождиком с горних высот,
Белой метелью с хвостом горносталя,

Выпади, пусть, как упрямый осот,
Правнуки в небо твое прорастают.

Пластырем туч застилает глаза.
Смутен покой под Ваганьковской сенью.
Бабушка, где ты? Молчат образа.
Вещие сны не приносят забвенья.

Воспоминание детства

М. Г.

Дорога в Ильинку открыта,
Ворота – Казанский вокзал.
Как в детстве, колеса-копыта
Гарцуют по лестнице шпал.

Гудок оглушительно-четкий
К отправке сигнал подает,
И станций бесчисленных четки
Отщелкает поезда ход.

Куда мне деваться от лета?
Куда мне избыть эту грусть?
На улице солнечной где-то
Цветет по утру майский куст.

Мои полудетские были
Сквозь колкий шиповник бредут.
Отростки его на могиле
У бабушек наших растут.

Пока еще сердцем не поздно
Избыть суету бытия:
Я с вами – ильинские сосны,

Я помню вас – детства друзья.

Дорога в Ильинку открыта,
Ворота – Казанский вокзал.
Как в детстве, колеса-копыта
Гарцуют по лестнице шпал.

Март

Брызжет даль белизною и паром.
Свежий воздух пьянит, как первач.
По поляне блестящим гусаром
Проскакал одуревший косач.

Громким писком шальные синицы
Нас приветствуют в чащах сосны.
Мы на лыжах стоим – у границы,
У границы зимы и весны.

И в капельном разбуженном шуме
В синеве высоко-высоко
Облаков боевые ушкуи
Мчат под звонкие гусли Садко.

Незабвенные детские были,
Заповедного счастья миры...
Что ж вы голову так забелили,
Сорок зазимков, с этой поры?

Где вы, тонкие пальчики-спички,
Растопившие лед без следа?
Но несутся звеня электрички
В те родные места и года,

Где жилось с ощущеньем азарта,
Где дышалось легко на бегу
В первых днях долгожданного марта
По последней лыжне на снегу.

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.